

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.И. Батюк*

НАТО И РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук»
123995, Москва, Хлебный пер., 2/3*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

За последние 30 лет отношения между НАТО и РФ прошли большой путь со своими взлетами и падениями. Ретроспективный анализ российско-натовского взаимодействия, предпринятый в данной статье, может помочь лучше понять его нынешнее состояние и оценить перспективы развития. Автор показывает, что после краха биполярного мира, выхода Российской Федерации на международную арену в качестве суверенного государства Москва не исключала для себя возможности налаживания партнерских и даже союзнических отношений с Североатлантическим альянсом. И действительно, на протяжении 1990–2000-х годов Россия и НАТО сотрудничали в таких сферах, как борьба с пиратством и международным терроризмом, спасание на море и др. Однако надежды наладить партнерские отношения рухнули в результате продвижения альянса на восток, к российской границе. Это продвижение — в сочетании с твердой позицией официального Вашингтона и Брюсселя о неприемлемости членства России в НАТО — означало фактически полное исключение российской стороны из процесса принятия решений по вопросам европейской безопасности. При этом автор подчеркивает, что в силу целого комплекса причин в постбиполярном мире военно-политическая зависимость западноевропейского субрегиона от Вашингтона не только не уменьшилась, как рассчитывали многие, но, напротив, возросла, и это обстоятельство исключало для Москвы

---

* *Батюк Владимир Игоревич* — доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН), профессор НИУ ВШЭ (e-mail: ctas@inbox.ru).

саму возможность играть на противоречиях США и их европейских союзников. Вступление в НАТО восточно- и южноевропейских «новобранцев» (многие из которых были настроены яро антироссийски) еще более ограничило возможности для такого маневрирования российской стороны. Альянс, таким образом, стал инструментом глобального доминирования США, с которым Москва категорически не могла согласиться. Автор заключает, что в этих условиях преодолеть военно-политические противоречия между Россией и НАТО будет непросто.

Ключевые слова: Российская Федерация, Североатлантический альянс, НАТО, партнерство, борьба с терроризмом, расширение НАТО, военно-политическая конфронтация, идеологическая борьба.

После распада Советского Союза, выхода Российской Федерации на международную арену в качестве суверенного государства Москва предприняла попытку построить отношения с Организацией Североатлантического договора с чистого листа, наладить партнерские и даже союзнические связи. Эта попытка, однако, столкнулась с серьезными проблемами, главной из которых было продвижение альянса на восток, к российской границе. Подобные действия НАТО — в сочетании с твердой позицией официального Вашингтона и Брюсселя о неприемлемости членства России в блоке — означали фактически полное исключение российской стороны из процесса принятия решений по вопросам европейской безопасности. С этим в свою очередь была категорически не согласна Россия.

Жесткое противодействие Москвы продвижению НАТО в восточном направлении стало одной из причин вооруженных конфликтов в Грузии (2008) и на Украине (2014). Эти конфликты привели к обострению отношений между РФ и Североатлантическим альянсом, к сворачиванию диалога и сотрудничества между ними в различных областях (включая контроль над вооружениями, борьбу с терроризмом, сотрудничество в чрезвычайных ситуациях и т.д.).

Взаимоотношения РФ и НАТО насчитывают уже без малого 30 лет, и их ретроспективный анализ, как представляется, может позволить не только лучше понять логику их эволюции и показать причины их сегодняшнего тупикового состояния, но и оценить перспективы их развития в обозримом будущем.

Российско-натовские отношения имеют достаточно обширную историографию. Этой теме уделяли пристальное внимание такие отечественные и зарубежные эксперты, как В.Г. Барановский [Барановский, 2019], Д.Ю. Глинский-Васильев [Глинский-Васильев,

2000], Ю.П. Давыдов [Давыдов, 2004], В.А. Мазинг [Батюк, Мазинг, 2001], Т.Г. Пархалина [Пархалина, 2001], Д.В. Тренин [Тренин, 2013], М.А. Троицкий [Троицкий, 2004], И. Даадлер [Daadler, Goldgeier, 2006], Ф. Гордон [Gordon, 2002], С. Лэррэби [Larrabee, 2006], К. Осборн¹.

Анализ историографии российско-натовских отношений показывает, что за последние годы резко изменились тональность и содержание публикаций по данной проблеме. Так, в 1990-е и начале 2000-х годов российские авторы рассматривали возможности налаживания сотрудничества как с США, так и с их европейскими союзниками по НАТО [Троицкий, 2004]. Как указывалось в коллективной статье ведущих российских экспертов-международников, целью российской политики должен быть (несмотря на наличие серьезнейших противоречий, прежде всего по проблеме расширения НАТО на восток) переход к «подлинно партнерским отношениям с США и НАТО» [Журкин и др., 2002: 16].

Решить эту непростую задачу многие российские исследователи предполагали посредством использования противоречий внутри альянса. Так, по мнению Д.Ю. Глинского-Васильева, «очевидно, что Россия может найти свое место в жизни Европы и Запада (оставляя при этом за собой право участвовать и в других геополитических конфигурациях) только при условии многообразия вариантов западной/европейской идентичности. Соответственно расширение НАТО, как и любая тенденция к унификации и американизации Европы и Запада, лишает Россию свободы цивилизационного маневрирования, а фаталистическое смирение с неизбежностью этого лишь на руку антироссийским силам и может стать самосбывающимся пророчеством» [Глинский-Васильев, 2000: 126–127].

Что касается западных экспертов, то вплоть до известных событий вокруг Грузии и Украины, в начале XXI в., они предпочитали вообще не обращать внимания на жалобы российской стороны по поводу расширения НАТО на восток. Так, в статье сотрудника Корпорации РЭНДС Лэррэби, посвященной европейской безопасности и опубликованной в 2006 г., нет даже слова «Россия» [Larrabee, 2006]. Другой пример: в ежегоднике СИПРИ 2012 г. много говорилось об

---

¹ Osborn K. The Army has a new plan to fight a war against Russia // National Interest. 08.06.2018. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-army-has-new-plan-fight-war-against-russia-26176?page=show> (accessed: 12.09.2019).

«арабской весне», но о нараставших проблемах в российско-натовских отношениях — ни слова [Ежегодник СИПРИ, 2013].

Ситуация, однако, резко изменилась после начала «украинского кризиса» в 2014 г. Делать вид, будто на востоке Европы ничего особенного не происходит, было более невозможно, и западные эксперты, которые вплоть до 2014 г. с неизменным пренебрежением отзывались о боеготовности российских вооруженных сил, начали публиковать доклады и статьи о том, что ВС РФ имеют внушительное превосходство в данном субрегионе, и в случае широкомасштабного вооруженного конфликта войска Североатлантического альянса могут оказаться в тяжелом положении [Boston et al., 2018]. По словам руководителя программы СИПРИ по европейской безопасности И. Энтони, «действия России на Украине способствовали тщательному рассмотрению и изучению возможных последствий возникшего конфликта как для стран — соседей России, так и для всего евроатлантического сообщества, и в том числе основательному изучению российского военного потенциала, созданного после 2008 г. в рамках проведенных Российской Федерацией военных реформ по созданию “нового облика” вооруженных сил. Первое, на что было обращено повышенное внимание и к чему призвали лидеры НАТО в отношении военной безопасности в 2014 г., было в кратчайшие сроки повысить готовность национальных вооруженных сил к осуществлению территориальной обороны» [Ежегодник СИПРИ, 2018: 134].

Таким образом, российско-натовские отношения вернулись к той исходной точке — состоянию «холодной войны», от которой Брюссель и Москва пытались уйти на протяжении последних 30 лет. В данной статье мы предприняли попытку показать причины такого развития событий.

Североатлантический альянс после окончания «холодной войны»

Незадолго до окончания «холодной войны» выдающийся советский американист академик Г.А. Арбатов сказал своим американским собеседникам: «Мы сделаем вам самое ужасное, мы лишим вас врага»². Действительно, распад социалистической системы,

---

² Караганов С. Американский вызов // Российская газета. 13.10.2009. Доступ: <https://rg.ru/2009/10/13/karaganov.html> (дата обращения: 20.08.2019).

ликвидация Организации Варшавского договора 1 июля 1991 г. и распад СССР в декабре того же года — казалось, всё это лишает НАТО всякого смысла существования.

Руководству альянса пришлось приложить немалые усилия для поиска убедительного обоснования продолжения своего функционирования в постбиполярном мире. В Декларации о трансформированном Североатлантическом альянсе («Лондонской декларации»), принятой в июле 1990 г., необходимость сохранения НАТО объяснялась, в частности, тем, что, оказывается, «никто не может быть уверен в будущем. Мы должны продолжать держаться вместе, чтобы продлить длительный мир, которым мы наслаждались последние четыре десятилетия. Однако наш Альянс должен быть еще более активным проводником перемен. Он может помочь в создании структур более единого континента, поддерживающего безопасность и стабильность на основе нашей общей веры в демократию, права личности и мирное урегулирование споров. Мы подтверждаем, что безопасность и стабильность не лежат исключительно в военной сфере, и мы намерены укреплять политическую составляющую нашего Союза, как это предусмотрено статьей 2 Договора»³.

Очевидно, что многие западноевропейцы были бы не против существования такой «беззубой» НАТО, где военная составляющая неуклонно слабеет, политическая, напротив, неуклонно крепнет, а альянс вместо подготовки к войне крепит «общую веру в демократию, права личности и мирное урегулирование споров». И такая вот НАТО, быстро превращающаяся из военного союза в организацию, которая выступает «за всё хорошее», но не способна принимать и осуществлять ответственные решения, не смогла бы стать препятствием на пути планов по созданию собственного, независимого от США европейского военного потенциала.

Однако попытки ведущих западноевропейских стран сформировать после окончания «холодной войны» собственный военный потенциал под эгидой Европейского союза и тем самым покончить с унижительным положением Западной Европы как «экономического гиганта и политического карлика» завершились неудачей.

---

³ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington, D.C., on 23rd and 24th April 1999 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?mode=pressrelease (accessed: 30.05.2019).

В подписанных в 1992 г. Маастрихтских соглашениях говорилось о выработке общей Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО), а на сессии Западноевропейского союза на уровне министров иностранных дел в июне 1992 г. в Петербурге была поставлена задача создать собственный западноевропейский военный потенциал, с помощью которого можно будет проводить независимые гуманитарные, спасательные, миротворческие операции и операции по принуждению к миру.

Эти решения были конкретизированы и дополнены в ходе саммитов ЕС в Кельне и Хельсинки (1999), а также в Санта Мариа да Фериа и Ницце (2000): была согласована «Главная цель», предполагавшая, что Европейский союз должен быть в состоянии полностью взять на себя выполнение Петербургских задач. Для этого страны — члены ЕС должны быть способны быстро развернуть до одного армейского корпуса (50–60 тыс. человек) с соответствующей командной, тыловой и разведывательной структурой (а в перспективе — с военно-воздушными и военно-морскими подразделениями) и поддерживать его в боеготовом состоянии на протяжении по меньшей мере одного года.

Эти титанические бюрократические усилия так и не трансформировались, однако, в реальный военный потенциал, находящийся в распоряжении Евросоюза. Следствием такого положения вещей стали провальные для объединенной Европы итоги кризисов 1990-х годов. События на Балканах на протяжении последнего десятилетия XX в. показали: европейцы оказались совершенно не готовы к современной локальной войне, в которой невозможно добиться победы без активного использования военно-транспортной авиации, всепогодных ударных самолетов и вертолетов, оснащенных высокоточным оружием, а также спутниковых средств навигации, разведки и целеуказания. Всё это было у Пентагона, но практически отсутствовало и отсутствует у европейцев, результатом чего стал рост военно-политической зависимости Западной Европы от Соединенных Штатов в урегулировании локальных конфликтов.

В итоге, как показали события вокруг Косово в 1999 г., европейские союзники Вашингтона столкнулись с немалыми трудностями при мобилизации необходимых для проведения операций вне зоны ответственности НАТО высокопрофессиональных воинских контингентов с соответствующим снабжением, боевым обеспече-

нием и вооружением. Например, у западноевропейцев возникли серьезные проблемы, когда понадобилось найти 30 тыс. солдат для проведения миротворческой операции в Косово (хотя это менее 2% общей численности вооруженных сил стран Западной Европы). Как следствие, военно-техническая зависимость европейцев от американцев в 1990-е — начале 2000-х годов не уменьшилась, как на это рассчитывали западноевропейские элиты после окончания «холодной войны», а, напротив, возросла.

Что касается восточноевропейских стран — «новобранцев» НАТО и ЕС, то для них ничего не изменилось с распадом биполярной системы: для них враг по-прежнему на востоке. Правящие режимы этих стран заинтересованы в использовании «российского фактора» для консолидации и сплочения своих социумов, а также в привлечении к себе внимания со стороны США и «старой Европы».

В этих условиях изменения в политике и стратегии НАТО после окончания «холодной войны» во всё большей степени определялись интересами Соединенных Штатов. Как утверждалось в Стратегической концепции Североатлантического альянса, принятой в 1991 г., в новом историческом контексте угроза широкомасштабной агрессии против стран — членов НАТО практически отсутствует, однако альянс рискует столкнуться с негативными последствиями нестабильности, которая может возникнуть в результате серьезных экономических, социальных и политических трудностей, включая этническое соперничество и территориальные споры, характерные для многих стран Центральной и Восточной Европы. В итоге под угрозой может оказаться европейская стабильность и могут возникнуть даже вооруженные конфликты, в которые окажутся вовлечены и страны НАТО. Именно эта Стратегическая концепция 1991 г. позволила альянсу выйти за рамки зоны своей географической ответственности, осуществив вооруженное вмешательство на Балканах в 1990-х годах⁴.

В новой Стратегической концепции НАТО, принятой в апреле 1999 г., говорилось о возможности проведения операций по реагированию на кризисы, не связанные со ст. 5 Североатлантического

---

⁴ The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. November 7–8, 1991 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (accessed: 30.05.2019).

договора. «Некоторые операции по реагированию на кризисы, не предусмотренные статьей 5, могут быть столь же сложными, как и некоторые миссии коллективной обороны», — говорится в документе⁵.

По мнению А.Г. Арбатова, альянс в период 1990-х годов эволюционировал от стратегии коллективной обороны стран-членов к активному избирательному вмешательству вне зоны ответственности [Арбатов, 2006]. НАТО приняла окончательное решение расширить сферу своей деятельности и выйти за пределы географической и функциональной ответственности за неимением сдерживающего фактора в лице СССР.

Бесспорным успехом Вашингтона в его европейской политике стало согласие союзников по НАТО с глобальной ответственностью Североатлантического альянса — и не только на словах, но и на деле. Так, после 11 августа 2003 г. командование Международными силами поддержки в обеспечении безопасности в Афганистане перешло к НАТО.

Последствия односторонней военно-технической зависимости Европы от США были многообразны. И это не только согласие западноевропейцев на форсированное расширение альянса на восток (хотя в правящих кругах Западной Европы прекрасно отдавали себе отчет в том, что натовские «новобранцы» будут настроены откровенно проамерикански), а также вынужденное одобрение операций НАТО за пределами географической ответственности Организации Североатлантического договора.

Европейцам пришлось согласиться на такую трансформацию альянса, которая отвечала в первую очередь интересам Соединенных Штатов.

Перед американскими военными и их натовскими союзниками была поставлена задача готовиться к противоборству с «повстанцами», «террористами» и «мятежниками» и противостоянию нетрадиционным угрозам и вызовам. Переломным моментом стало появление в феврале 2008 г. нового американского полевого устава — FM 3-07 Stability Operations, в котором впервые содержалось

---

⁵ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington, D.C., on 23rd and 24th April 1999 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?mode=pressrelease (accessed: 30.05.2019).

положение о том, что обеспечение безопасности гражданского населения и послевоенной стабилизации является не менее важной задачей, чем достижение военной победы [Caldwell, Leonard, 2008].

Следует отметить в этой связи: уже тогда некоторые американские армейские офицеры обратили внимание на то, что подготовка к операциям по стабилизации проводится в ущерб боевой подготовке. «Боевые бригадные группы сухопутных войск, готовящиеся к переброске в Ирак и Афганистан в Форте Ирвин в Калифорнии и в Форте Полк, Луизиана, готовятся лишь к контрповстанческим операциям, — отмечал, в частности, в своей статье, опубликованной в первом квартале 2009 г. в журнале «Joint Force Quarterly», полковник Дж. Джентил. — Вместо того чтобы проводить свое время в учениях батальонного и бригадного уровней в целях подготовки к войне с потенциальным противником, они обучаются перестройке деревень и особенностям межкультурной коммуникации с местным населением» [Gentile, 2009: 31]. Полковник делает вывод о том, что, готовясь к проведению операций по стабилизации, американские вооруженные силы могут утратить навыки вести войну с хорошо вооруженной и обученной неприятельской армией. «Зрелище грузинской пехоты, убегающей от вражеского огня и колонн идущих в атаку русских танков, показывает нам, что время, когда армии противостояли друг другу на поле боя, еще не прошло», — делает вывод американский полковник [Gentile, 2009: 32].

Эти предостережения американских профессиональных военных не были, однако, услышаны. Политический истеблишмент в Вашингтоне уверил себя в том, что упадок России необратим и поэтому ни Соединенным Штатам, ни их натовским союзникам можно не опасаться реальной военной угрозы, по крайней мере с российского направления.

Таковыми настроениями было обусловлено решение об экспансии альянса в восточном и южном направлениях, которое было окончательно утверждено на Мадридском саммите НАТО в июле 1997 г. За прошедшие 22 года в Организацию Североатлантического договора вступили 13 государств. При этом ни страны «Вышеградской тройки» (Венгрия, Польша, Чехия), ни страны «второго призыва» в НАТО (Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Румыния и Болгария), ни балканские страны (Хорватия, Албания и Черно-

гория, которые вступили в альянс в 2009–2017 гг.) не располагают крупными и современными вооруженными силами, способными внести реальный вклад в укрепление обороноспособности НАТО. Фактически все 13 новых членов блока — это склад советской военной техники 1950–1960-х годов с очень редкими вкраплениями более современных образцов вооружений, и при этом натовские новички не располагают и не будут располагать финансовыми ресурсами для радикального изменения сложившейся ситуации. В то же время членство этих стран в альянсе означает, что «старые» члены НАТО, прежде всего США, взяли на себя всю полноту ответственности за военную безопасность своих «новобранцев».

Россия и НАТО в постбиполярном мире

Те перемены в стратегии Организации Североатлантического договора, о которых было сказано выше, не были согласованы с Москвой. Российская сторона была поставлена перед свершившимся фактом выхода НАТО за пределы ее традиционной географической сферы действия (в соответствии со ст. 6 Североатлантического договора) и расширением альянса на восток.

Вместе с тем не оправдались надежды российского руководства в начале 1990-х годов на присоединение Москвы к евроатлантическим структурам безопасности. О такой возможности Россия заявила еще в октябре 1993 г., однако в Вашингтоне никогда не рассматривали это всерьез. Так, президент У. Клинтон полагал, что идея членства России в Североатлантическом альянсе «витает в заоблачных высотах»: «Если и настанет день, когда Россия вступит в НАТО, очевидно, что это будет совершенно другая Россия, другая НАТО и другая Европа»⁶.

Москва, с одной стороны, пыталась донести до Брюсселя и других натовских столиц свою озабоченность в связи с неуклонным приближением альянса к границам РФ, а с другой — стремилась наладить диалог и взаимодействие с НАТО в тех областях, где у них имелись совпадающие интересы.

Еще в 1992 г. Россия была принята в члены Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС), а в 1994 г. был подписан рамочный

---

⁶ Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Городец, 2003. С. 140, 159.

документ о присоединении Москвы к программе «Партнерство ради мира». Большое значение имело подписание в 1997 г. основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, в соответствии с которым был учрежден Совместный постоянный совет (СПС) Россия–НАТО⁷. После этого события было открыто постоянное дипломатическое представительство Российской Федерации при Североатлантическом альянсе.

Другим важным шагом стало подписание в 2002 г. Римской декларации, в результате чего с мая того же года стал действовать Совет Россия–НАТО (СРН), созданный для того, чтобы на основе постоянного политического диалога выявлять разногласия на самой ранней стадии. Предполагалось, что в формате СРН будут обсуждаться: кризисное регулирование, нераспространение оружия массового уничтожения, контроль над вооружениями и меры укрепления доверия, противоракетная оборона театра военных действий (ПРО ТВД), поиск и спасание на море, сотрудничество в проведении военных реформ, чрезвычайное гражданское реагирование и новые вызовы и угрозы⁸.

Нужно сказать, что эти планы российско-натовского сотрудничества не остались лишь на бумаге. Переломным моментом в этом отношении стали события 11 сентября 2001 г., когда Россия фактически оказалась союзником (причем весьма ценным!) Запада в борьбе с глобальной террористической угрозой. Более высокий уровень взаимопонимания, достигнутый между Североатлантическим альянсом и Российской Федерацией, позволил тогда сравнительно безболезненно пережить новый раунд расширения НАТО на восток, хотя на этот раз в нее вступили три бывшие союзные республики, непосредственно граничащие с РФ (Эстония, Латвия, Литва).

В начале «нулевых» годов приближение альянса к российским границам воспринималось в Москве достаточно спокойно. Основополагающий акт 1997 г. констатировал: «НАТО приняла решение о том, что не имеет намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов <...>. НАТО

---

⁷ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 258–267.

⁸ Там же. С. 307–310.

подтверждает, что в нынешних и обозримых условиях безопасности альянс будет осуществлять свою коллективную оборону и другие задачи через обеспечение необходимых совместимости, интеграции и потенциала усиления, а не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил»⁹.

Вместе с тем, как уже было отмечено, ни одно из государств — новых членов блока не располагало крупными и современными вооруженными силами, которые могли бы внести реальный вклад в укрепление обороноспособности альянса.

Что касается конкретных результатов российско-натовского сотрудничества, то в начале «нулевых» годов удалось добиться существенных подвижек в следующих областях.

Спасание на море. В подписанном 8 февраля 2003 г. соглашении между Россией и НАТО о спасании экипажей подводных лодок, терпящих бедствие, перечислены процедуры сотрудничества и обмена информацией, юридические вопросы взаимодействия. Прошло несколько совместных учений российских и натовских военных моряков, в ходе которых отрабатывалось спасение терпящих бедствие экипажей. Сотрудничество Российской Федерации с ее западными партнерами в деле спасания на море выдержало жесткий экзамен в августе 2005 г., когда в ходе международной спасательной операции у берегов Камчатки британский глубоководный аппарат-робот «Скорпио» сумел высвободить гребной винт российского батискафа АС-28 и тем самым предотвратить гибель и подводного аппарата, и его экипажа.

В начале XXI в. основной сферой взаимодействия РФ и Североатлантического альянса стала *борьба с терроризмом*. Именно в это время активизировалось сотрудничество спецслужб НАТО и России на контртеррористическом направлении. Например, в сентябре 2002 г. в подмосковном Ногинске прошли учения «Богородск-2002» — на них отрабатывались совместные действия спасателей по борьбе с последствиями атаки группы террористов, взорвавших крупный объект химической промышленности. В ходе совместных учений России и НАТО, состоявшихся в июне 2004 г. в Калининградской области (командно-штабные учения «Калининград-2004»), проверялась готовность ведомств по чрезвычайным ситуациям, а также

---

⁹ Там же. С. 264, 266.

спецслужб к действиям в условиях спровоцированной террористами экологической катастрофы. Результаты этих учений получили высокую оценку партнеров России. Большое значение в контексте совместной борьбы с терроризмом имело подключение РФ к контртеррористической операции НАТО «Активные усилия» в Средиземноморье, где в 2004 г. два боевых корабля Черноморского флота России патрулировали вместе с натовскими силами.

Особо следует отметить расширение географической зоны российско-натовского сотрудничества в начале XXI в. Присутствие в Афганистане находящихся под командованием НАТО Международных сил поддержки в обеспечении безопасности не стало предметом озабоченности в Кремле; российское руководство скорее беспокоила пассивность этих сил в наведении элементарного порядка в стране, прежде всего *в борьбе с наркоугрозой*. В Москве с тревогой констатировали превращение южного соседа СНГ в крупнейшего производителя наркотиков в мире в начале 2000-х годов.

Это одна из причин, почему Россия тогда оказывала конкретную помощь миротворческой операции в Афганистане. С 2003 г. через российское воздушное пространство и по ее железнодорожным путям перебрасывались подразделения бундесвера с военной техникой и вооружениями на север Афганистана в район города Кундуза, где они осуществляли свою миссию в составе Международных сил поддержки в обеспечении безопасности. В августе 2004 г. правительство РФ одобрило соглашение между Россией и Францией о транзите французского военного имущества и персонала через территорию РФ в Афганистан. Подписание 21 апреля 2005 г. российской стороной соглашения о правовом статусе вооруженных сил стран альянса и государств — участников программы «Партнерство ради мира» на территории друг друга создавало необходимую правовую основу для переброски войск через РФ и страны — члены НАТО.

Такие, без преувеличения, беспрецедентные шаги российской стороны продемонстрировали всю степень озабоченности Москвы в связи с исходящей из Афганистана наркоугрозой, ведь значительная часть (до 24%) производимых в этой стране наркотиков идет через Среднюю Азию и Россию. Следует подчеркнуть в этой связи, что в российских кругах были недовольны уровнем активности натовских миротворцев в Афганистане в деле борьбы с местной

наркомафией. Объяснения Брюсселя о том, что миссия альянса в стране — это именно содействие безопасности, а не борьба с незаконным производством и транспортировкой наркотиков, в Москве считали неудовлетворительными, однако, как полагали в Кремле, без активного российского участия и эффективного российско-натовского взаимодействия решить данную проблему не удастся¹⁰.

По вопросам *военной реформы* была создана рабочая группа в рамках СРН, под эгидой которой в Москве и ряде областей России открылись центры переподготовки военнослужащих. Эти структуры оказывали бывшим офицерам помощь в гражданской жизни, разъясняя юридические тонкости, связанные с увольнением, поиском жилья и устройством на работу.

И в Москве, и в Брюсселе особое внимание уделяли сотрудничеству России и НАТО в *нераспространении оружия массового уничтожения*. Высокой оценки заслужила деятельность рабочей группы СРН в этом направлении. Взаимодействие сторон не ограничивалось лишь декларациями и заявлениями. Например, как уже было указано, в 2004–2006 гг. российские боевые корабли осуществляли патрулирование в Средиземном море вместе с натовскими силами, принимая участие в операции альянса «Активные усилия». Цель операции — предотвращение контрабанды террористическими группировками материалов, которые могут быть использованы для изготовления оружия массового уничтожения.

Достаточно активным было сотрудничество России и НАТО и в сфере *противоракетной обороны*. Так, в марте 2005 г. на авиабазе Де Пиел в Голландии прошли совместные российско-натовские командно-штабные учения по ПРО ТВД под названием «Collaborative Arrow-2005». Они были организованы специальной рабочей группой по ПРО ТВД Совета Россия–НАТО и проходили в режиме реального времени с использованием компьютеров. Целью учений стали проверка в действии экспериментальной концепции операции, сформулированной рабочей группой по ПРО ТВД, а также отработка ее планирования и координации. Результаты учения должны послужить основой для улучшения совместимости и разработки

---

¹⁰ Иванов считает недостаточным участие НАТО в борьбе с терроризмом // РИА Новости. 06.04.2004. Доступ: <https://ria.ru/20040406/561936.html> (дата обращения: 12.08.2019).

механизмов совместных операций в области ПРО ТВД. В учении приняли участие более 50 представителей 10 стран НАТО и РФ. Дополнительную поддержку и личный состав предоставили ряд военных структур альянса, а также тактическая группа противовоздушной обороны сил Германии, Голландии и США.

В общей сложности Россия и НАТО осуществляли сотрудничество по 17 основным направлениям.

Сказанное не означает, разумеется, что между РФ и альянсом в начале XXI в. не было проблем. Брюссель и Москва, публично заявляя о намерении открыть «новую страницу в наших отношениях с целью укрепить нашу способность работать вместе в областях, представляющих общий интерес, и совместно противостоять общим угрозам и рискам нашей безопасности»¹¹, тем не менее, продолжали относиться с подозрением и недоверием к деятельности друг друга на постсоветском пространстве, пытались подорвать политическое, экономическое и военное влияние оппонента на территории бывшего СССР. Что характерно, военно-политическая ситуация на пространстве СНГ не только не обсуждалась на сессиях СРН, но даже не рассматривалась как возможная тема переговоров¹².

Одним из проявлений этого недоверия и подозрительности уже в начале столетия стала проблема ратификации Соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Практически сразу же после подписания этого документа страны НАТО под влиянием США взяли курс на затягивание процесса введения его в действие. Начало ратификации Соглашения они стали увязывать с выполнением Россией не относящихся к ДОВСЕ элементов ее двусторонних договоренностей с Грузией и Молдавией о выводе российских войск с их территорий.

Исключительные обстоятельства, сложившиеся вокруг ДОВСЕ, побудили Российскую Федерацию рассмотреть вопрос о приостановлении действия Договора до тех пор, пока страны НАТО не ратифицируют Соглашение о его адаптации и не начнут добросовестно выполнять положения этого документа.

---

¹¹ Отношения Россия — НАТО: новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств — членов НАТО от 28 мая 2002 г. // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/3484> (дата обращения: 12.12.2019).

¹² Внешняя политика и безопасность современной России... С. 307.

После приостановления Российской Федерацией участия в ДОВСЕ в 2007 г. были продолжены консультации с западными партнерами по восстановлению его жизнеспособности. Страны НАТО в качестве отправной точки для диалога с Россией выдвинули концепцию «параллельных действий»: некоторые члены альянса приступают к ратификации Соглашения об адаптации, а Россия принимает определенные меры в отношении своего военного присутствия в Приднестровье и на бывшей российской военной базе в населенном пункте Гудаута, Абхазия. Увы, после российско-грузинского вооруженного конфликта 2008 г. этот сценарий стал совершенно нереалистичным. В 2015 г. Россия «полностью приостановила» свое участие в ДОВСЕ.

Разумеется, четыре истребителя ВВС НАТО в небе Литвы не могли нести никакой реальной угрозы безопасности РФ; точно так же несколько тысяч российских солдат, охранявших военные объекты в Приднестровье и Грузии, не могли угрожать странам — членам Североатлантического альянса, просто и в Брюсселе, и в Москве продолжали рассматривать многие аспекты российско-натовских отношений как типичную «игру с нулевой суммой».

В целом у российской правящей элиты неуклонно крепла уверенность в том, что НАТО- и ЕС-центризм сложившейся в пост-биполярной Европе системы безопасности означает отстраненность России от главных линий международно-политического развития на континенте [Евроатлантическое пространство безопасности, 2011].

Взаимоотношения России и НАТО в XXI веке: на пути к непримиримому конфликту

Пожалуй, первым серьезным свидетельством того, что этот хрупкий баланс между сотрудничеством и соперничеством во взаимоотношениях России с альянсом постепенно смещается в сторону соперничества, стала знаменитая речь президента РФ В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г., в которой он заявил о неприемлемости однополярного мира с Соединенными Штатами во главе. Как сказал российский лидер, «процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности

в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?»¹³

Следующим испытанием для российско-натовских отношений стали события на Кавказе в августе 2008 г. Только 19 августа, после прекращения военных действий между Россией и Грузией, НАТО разразилась совершенно беззубым заявлением, в котором Москву слегка пожурили за «непропорциональное» и «несоответствующее ее роли миротворца» применение силы и деликатно намекнули на то, что альянс не будет «иметь с ней дело, как будто ничего не произошло»¹⁴. И действительно, начиная с 2011 г. на территории Польши и стран Балтии стали проводиться совместные учения с участием выделенных для этой цели подразделений западных союзников, но этим реакция Брюсселя на события августа 2008 г., собственно, и ограничилась [Загорский, 2017].

Однако ситуация, сложившаяся на Украине после 2014 г., заставила натовское руководство отказаться от своего благодушно-снисходительного отношения к российским военным возможностям. Внезапно (для Брюсселя) выяснилось, что за последние годы Россия существенно укрепила свою конвенциональную военную мощь и, что еще более важно, имеет политическую волю применить ее для реализации своих политических целей. Говоря о современном военном потенциале России, западные аналитики указывают на ее превосходство в таких элементах военной мощи, как дальнобойная артиллерия, радиоэлектронная борьба, кибернетический потенциал и потенциал «гибридной войны»¹⁵. Так, развертывание в Калининградской области системы ПВО С-400 «Триумф» и противокорабельных ракет типа «Бастион» означает, что вооруженные силы стран — членов НАТО утратят в случае вооруженного конфликта

---

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.05.2019).

¹⁴ Meeting of the North Atlantic Council at the level of Foreign Ministers held at NATO Headquarters, Brussels. August 19, 2008 // NATO. Available at: <http://www.nato.int/docu/pr/2008/p08-104e.html> (accessed: 30.05.2019).

¹⁵ Thompson L. War in Europe: Why the army is worried // Forbes. 11.12.2015. Available at: <http://www.forbes.com/sites/lorenthompson/2015/12/11/war-in-europe-why-the-army-is-worried/#74b3ec673857> (accessed: 30.05.2019).

поддержку со стороны своих ВВС и ВМС в восточной части Балтийского моря¹⁶.

По оценкам натовских экспертов, в настоящее время альянс не готов противостоять России в Восточной Европе. Войска ключевых членов НАТО страдают от «хронического недостатка финансирования» и «критического дефицита». Так, из 31 вертолета Tiger ВВС Германии только 10 готовы к применению, а из 406 боевых машин пехоты Marder — только 280. В момент окончания «холодной войны» у бундесвера было до 7000 основных боевых танков, в 2017 г. — только 244, из них менее 100 были готовы к бою.

В прибалтийских государствах — Эстонии, Латвии и Литве — имеется лишь несколько легких бронированных машин, но отсутствуют основные боевые танки.

Танковый парк Польши сократился примерно с 1700 единиц на момент вступления в НАТО в 1999 г. до чуть менее 1000 единиц к 2016 г., из которых около 75% составляют устаревшие варианты Т-72М. Правда, в последние годы бронетанковые силы Войска польского начали оснащаться более современными танками «Леопард-2», но до сих пор этот процесс шел достаточно медленно.

Другие члены альянса не приложили достаточных усилий, чтобы изменить свои оборонные позиции на восточном направлении. «Для Великобритании развертывание бригады, не говоря уже о дивизии в состоянии постоянной готовности, станет очень серьезной проблемой», — отмечается в докладе натовских экспертов¹⁷. Таким образом, военно-политическое руководство США и ведущих стран — членов НАТО внезапно сделало для себя пренеприятнейшее открытие: Соединенные Штаты и их союзники вполне могут проиграть России в ходе конфликта низкой интенсивности на Востоке Европы [Батюк, 2018].

Между тем речь идет о военном потенциале ведущих участников альянса, что уж говорить о восточноевропейских странах, вступив-

---

¹⁶ Gladstone R. Air Force General says Russia missile defense 'very serious' // The New York Times. 11.01.2016. Available at: http://www.nytimes.com/2016/01/12/world/europe/air-force-general-says-russia-missile-defense-very-serious.html?_r=2 (accessed: 12.09.2019).

¹⁷ В НАТО констатировали неспособность противостоять России в Восточной Европе // Lenta.ru. 26.02.2016. Доступ: <https://lenta.ru/news/2016/02/26/nato/> (дата обращения: 12.08.2019).

ших в блок после окончания «холодной войны»? Но ведь принимали их в совершенно иных условиях, когда, как уже было сказано, в Вашингтоне и Брюсселе все были уверены в том, что Россия никогда не восстановит свои позиции в мире.

Только на прибалтийском направлении, по оценке американской стороны, российские вооруженные силы могут сосредоточить 22 батальонные тактические группы (до 100 тыс. солдат и офицеров) и при этом обеспечить полное господство в воздухе. Противопоставить этой мощи американцам и их натовским союзникам нечего. Проведенные в 2014–2015 гг. Корпорацией РЭНД командно-штабные игры дали недвусмысленный результат: в случае военного конфликта между РФ и НАТО прибалтийские государства будут быстро (в течение 60 часов) захвачены в ходе скоротечной военной кампании, и только переброска семи бригад, из них трех танковых, может предотвратить такое развитие событий [Schlapak, Johnson, 2016].

К аналогичным выводам пришли и в Пентагоне: в соответствии с закрытыми оценками американского военного ведомства все три прибалтийских государства будут заняты российскими войсками через 2–3 дня, и НАТО просто не успеет этому воспрепятствовать. Более того, под угрозой весь восточный фланг альянса ввиду отсутствия естественных природных преград на пути наступления российской армии¹⁸.

Сложившаяся ситуация потребовала от НАТО принять меры для изменения неблагоприятного для альянса баланса сил на восточном фланге Организации Североатлантического договора. Так, в соответствии с декларацией саммита НАТО, подписанной в сентябре 2014 г. в Уэльсе, союзники приняли следующие меры. Согласно Плану действий по обеспечению готовности НАТО (NATO Readiness Action Plan) были укреплены силы реагирования альянса посредством формирования межвидовых сил очень высокой готовности (Very High Readiness Joint Task Force), которые, как предполагалось, могут быть развернуты в течение нескольких дней для ответа на возникающие вызовы, особенно на периферии территории НАТО. Эти силы должны состоять из сухопутного компонента с соответствующими воздушными и морскими группировками и силами специального назначения. Предполагалось также создать «командно-контрольное

---

¹⁸ Thompson L. Op. cit.

присутствие» и развернуть силы и средства на территории восточных союзников по НАТО на ротационной основе¹⁹.

Два года спустя, в ходе саммита альянса в Варшаве в июле 2016 г., было принято решение о развертывании четырех боевых групп батальонного состава на территории Латвии, Литвы, Польши и Эстонии на ротационной основе. Эти боевые группы преимущественно были сформированы воинскими контингентами из Великобритании, Канады, США и ФРГ. Кроме того, на территории Польши была развернута штаб-квартира для многонациональной дивизии, а в Румынии создан центр боевой подготовки на базе уже имевшейся штаб-квартиры многонациональной дивизии «Юго-Восток»²⁰.

Наконец, в декларации Брюссельского саммита НАТО (июль 2018 г.) говорилось о том, что из вооруженных сил стран — членов альянса будут выделены дополнительно 30 крупных военно-морских кораблей, 30 тяжелых и средних маневренных батальонов и 30 боевых воздушных эскадрилий с вспомогательными подразделениями, находящимися в таком состоянии боеготовности, которое позволяет им в течение 30 дней или раньше приступить к выполнению задачи. Как указано в документе, эти части будут организованы и обучены как элементы более крупных объединений в поддержку общего построения сдерживания и обороны НАТО.

Кроме того, альянс собирается решить и логистические проблемы, связанные с переброской на восток. В частности, страны — члены НАТО намерены:

- сократить время пересечения границ и в этой связи предоставить дипломатические разрешения на передвижения по суше, воздуху и по морю в течение пяти дней к концу 2019 г., а также рассмотреть возможность дальнейшего сокращения этого срока в целях быстрого предоставления подкрепления;
- определить к концу 2018 г. главные и альтернативные маршруты доставки, пригодные для военного транспорта;

---

¹⁹ Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. September 5, 2014 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed: 30.05.2019).

²⁰ Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw. July 8–9, 2016 // NATO. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (accessed: 30.05.2019).

- использовать военные учения для более регулярных тренировок военной мобильности;
- обеспечить связь между НАТО, национальными учреждениями, гражданскими и военными, в том числе создать единые национальные контактные пункты к концу 2019 г., чтобы содействовать поддержанию логистики и ускорить связь и взаимодействие в отношении пересечения границы²¹.

После начала кризиса на Украине официальному Вашингтону наконец-то удалось добиться согласия своих европейских союзников на увеличение их оборонных расходов. В 2017 г. они были увеличены в целом на более чем 41 млрд долл. по сравнению с уровнем 2016 г., а к концу 2020 г. должны будут возрасти еще примерно на 100 млрд долл. В 2018 г. уже восемь европейских союзников США по НАТО потратили 2% своего ВВП на оборону и еще десять представили планы или взяли на себя политические обязательства сделать это к 2024 г. Таким образом, к 2024 г. бóльшая часть европейских союзников наконец-то выполнят решение Рижского саммита альянса 2006 г. о выделении до 2% ВВП на национальную оборону²².

Что дальше?

Очевидно, что натовская стратегия в отношении России столкнулась с серьезными проблемами. Как уже было сказано, она строилась на предположении о том, что Москва будет вынуждена смириться с продвижением НАТО на восток по причине своей слабости и неспособности противостоять этому процессу.

Вместе с тем в правящих кругах стран альянса не сомневались в том, что именно перспектива членства в Организации Североатлантического договора позволит новым независимым государствам обеспечить национальное единство и урегулировать все имеющиеся серьезнейшие межнациональные и межконфессиональные противо-

---

²¹ Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels. July 11–12, 2018 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=en (accessed: 30.05.2019).

²² United States Senate Committee on Armed Services Statement of General Curtis M. Scaparrotti, United States Army Commander United States European Command. March 5, 2019. P. 11 // U.S. Senate Committee on Armed Services. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Scaparrotti_03-05-19.pdf (accessed: 30.05.2019).

речия на постсоветском пространстве. В последние годы, однако, выяснилось, что это не так: у российской стороны нашлись силы, средства и политическая воля, чтобы противостоять приближению альянса к своим государственным границам. Кроме того, перспектива членства в НАТО сама по себе не приводила к ликвидации многочисленных межэтнических конфликтов в бывших союзных республиках.

В Брюсселе поторопились во всех проблемах альянса с продвижением на восток обвинить российскую сторону. Как заявил генеральный секретарь Парламентской ассамблеи НАТО Д. Хоббс, «да, это очень умная стратегия со стороны Москвы. Чтобы вступить в НАТО, страна не должна иметь конфликтов на своих границах и территориальных споров с соседями. Создавая такие конфликты, специально не давая зажить этим ранам, вы как бы получаете право вето на вступление определенной страны в НАТО. В 2008-м я не мог предугадать, что Россия прибегнет к использованию военной силы, чтобы поставить союзников перед этой дилеммой». Но, добавляя Д. Хоббс, «я оптимист. Уверен, подобные проблемы можно решить дипломатическим путем. Ведь жить по соседству с НАТО — это очень удобно! Я всегда сравниваю Альянс с добросовестным соседом: он содержит в порядке забор, вовремя стрижет лужайки, сажает цветы, соблюдает правила дорожного движения и ложится спать в десять вечера. Если у вас такой сосед, вы можете ночью спать спокойно. Но Путин, похоже, думает иначе»²³.

Как видно, руководство НАТО искренне уверено в том, что русские должны быть в восторге от санитарного кордона, который альянс выстраивает на их западных границах, вот только «кровавый путинский режим» не дает проявиться этим восторгам. Следует в этой связи отметить, что у руководителей Североатлантического альянса к тому же имеются своеобразные представления о дипломатии на российском направлении. Как сказал председатель Военного комитета НАТО С. Пич, «Альянс не согласен и не будет согласен с незаконной и противоправной аннексией Крыма Россией, и мы продолжаем призывать Россию уйти из Крыма и прекратить оказывать

---

²³ Генеральный секретарь ПА НАТО Дэвид Хоббс: не думаю, что Путин рискнет нападением на Балтию. Эксклюзивно Константин Эггерт // Ru.Delfi.lt. Available at: <https://www.delfi.lt/spausdinti/?id=81240045> (accessed: 12.10.2019).

поддержку боевикам на востоке Украины»²⁴. Иными словами, когда в Брюсселе говорят о том, что «подобные проблемы можно решить дипломатическим путем», там, по всей видимости, имеют в виду безоговорочную капитуляцию Москвы.

Как следует из годового отчета генерального секретаря НАТО за 2018 г., «в 2014 году в результате незаконной и противоправной аннексии Крыма все практическое сотрудничество между НАТО и Россией было приостановлено. Агрессивные действия России в Украине, ее дестабилизирующее поведение в военной сфере и гибридные действия против стран в евроатлантическом регионе существенно изменили международную обстановку в области безопасности, снизив стабильность и безопасность и повысив непредсказуемость»²⁵.

В этих условиях диалог между РФ и Организацией Североатлантического договора (и это также вынужден был признать Й. Столтенберг) был сведен к обсуждению вопросов транспарентности и предсказуемости военной деятельности. «Кроме того, продолжаются встречи высокого уровня между НАТО и российским руководством, а военные руководители НАТО сохраняют канал связи со своими российскими коллегами, — отметил генеральный секретарь в своем докладе. — НАТО привержена обеспечению того, чтобы этот канал оставался открытым и готовым к применению, в том числе в кризисной ситуации»²⁶.

Очевидно, что диалог с Россией нужен Брюсселю не для позитивного развития отношений с ней, а для предотвращения опасной военной эскалации в ожидании того, как под напором западных санкций российская сторона согласится на безоговорочную капитуляцию со сдачей Крыма и Донбасса.

К сожалению, некоторым представителям российской либеральной политико-академической элиты трудно признать этот неприятный факт. Многие российские прозападные либералы продолжают жить в мире, которого уже нет и в котором все еще развивается

---

²⁴ Opening remarks by Air Chief Marshal Sir Stuart Peach, Chairman of the NATO Military Committee at the 181th Military Committee in Chiefs of Defence Session. May 22, 2019 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_166048.htm?selectedLocale=en (accessed: 30.05.2019).

²⁵ Годовой отчет Генерального секретаря. 2018 // NATO. С. 20. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20190329_sgar2018-ru.pdf (accessed: 30.05.2019).

²⁶ Там же.

диалог Россия–НАТО. Например, в «Тезисах по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024 гг.)» говорится, что «диалог Россия–НАТО необходимо дополнить взаимодействием ОДКБ и НАТО» и вообще нужны «адаптация системы европейской безопасности к новым реалиям, поиск взаимовыгодных модальностей отношений России и НАТО»²⁷.

Вместе с тем субстантивный диалог между Москвой и Брюсселем в настоящее время отсутствует, и вряд ли он возобновится до тех пор, пока стороны не придут к общему пониманию того, что, собственно, представляет собой такое явление, как диалог. Для России неприемлема позиция натовских «партнеров», согласно которой возможен лишь формат монолога строгого натовского учителя в западной школе демократии, обращенного к нерадивому русскому ученику.

* * *

Как видно, на протяжении последних 30 лет российско-натовские отношения претерпели значительную эволюцию. Надежды наладить партнерское взаимодействие между Москвой и Брюсселем рухнули в результате расширения альянса на восток, к российской границе.

Это продвижение в сочетании с твердой позицией официального Вашингтона и Брюсселя о неприемлемости членства России в НАТО означало полное исключение российской стороны из процесса принятия решений по вопросам европейской безопасности. Несмотря на наличие общих проблем в этой сфере (начиная с нераспространения оружия массового уничтожения и заканчивая борьбой с пиратством), РФ и Организация Североатлантического договора так и не смогли выработать общие подходы к постбиполярному мироустройству.

При этом в силу целого комплекса причин в постбиполярном мире военно-политическая зависимость западноевропейского субрегиона от Вашингтона не только не уменьшилась, как рассчитывали многие, но, напротив, возросла, и это обстоятельство исключало для Москвы саму возможность играть на противоречиях США и их европейских союзников. Вступление в альянс восточно- и южноевропейских «новобранцев» (многие из которых были настроены яро антироссийски) еще более ограничило возможности для такого

---

²⁷ Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024 гг.). М.: Центр стратегических разработок, РСМД, 2017. С. 21, 28.

маневрирования российской стороны. Альянс, таким образом, стал инструментом глобального доминирования США, с которым Москва категорически не могла согласиться.

В этих условиях, как нам представляется, преодолеть военно-политические противоречия между Россией и НАТО будет непросто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ — Фонда Р. Люксембург // Полития. 2006. № 2. С. 94–103.

2. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 7–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23.

3. Батюк В.И. Европейское командование вооруженных сил США после саммитов НАТО в Уэльсе (2014 г.) и в Варшаве (2016 г.) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 20–34. DOI: 10.7868/S0321206818050027.

4. Батюк В.И., Мазинг В.А. Европа в военной политике администрации Буша // США и Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 10. С. 38–51.

5. Братерский А.В. Роль «мозговых центров» в выработке политики по расширению НАТО // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5 (593). С. 39–54. DOI: 10.31857/S032120680004910-5.

6. Глинский-Васильев Д.Ю. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д.В. Тренина. М.: S@P, 2000. С. 101–131.

7. Давыдов Ю.П. Россия и НАТО: стыковка интересов // Будущее отношений России и НАТО / Под ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесного. М.: Институт США и Канады РАН, 2004. С. 33–55.

8. Евroatлантическое пространство безопасности / Под ред. А.А. Дынкина, И.С. Иванова. М.: ЛЕНАНД, 2011.

9. Ежегодник СИПРИ 2012: вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

10. Ежегодник СИПРИ 2017: вооружения, разоружение и международная безопасность / Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

11. Журкин В.В., Кокошин А.А., Носов М.Г. и др. Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте // Современная Европа. 2002. № 1. С. 5–21.

12. Загорский А.В. Россия в системе европейской безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

13. Пархалина Т.Г. Россия — Западная Европа: проблемы и перспективы отношений // Россия и Европа: отношения на рубеже веков. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 9–18.

14. Тренин Д.В. Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как общество безопасности. М.: РОССПЭН, 2013.

15. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада bipolarности. М., 2004.

16. Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y. 2018. Assessing the conventional force imbalance in Europe: Implications for countering Russian local superiority. RAND Corporation Research Report, 2018. 14 p.

17. Caldwell W., Leonard S. Field Manual 3-07, Stability Operations: Upshifting the engine of change // Military Review, 2008, pp. 6–14.

18. Crane K., Olikier O., Nichiporuk B. Trend in Russia's armed forces: An overview of budgets and capabilities. RAND Corporation, 2019.

19. Daadler I., Goldgeier J. Global NATO // Foreign Affairs. 2006. Vol. 85. No. 5. Available at: <https://web.archive.org/web/20080512004134/http://www.foreignaffairs.org/20060901faessay85509/ivo-daadler-james-goldgeier/global-nato.html> (accessed: 12.09.2019).

20. Gentile G. Let's build an Army to win all wars // Joint Force Quarterly. 2009. Iss. 52. P. 27–33.

21. Gordon Ph. NATO after 11 September // Survival. 2002. Vol. 43. No. 4. P. 89–106.

22. Hooker R. How to defend the Baltic States. Washington, D.C.: Jamestown Foundation, 2019.

23. Larrabee S. The United States and the European Security and Defense Policy. Old fears and new approaches // RAND Strategic Yearbook. 2006. P. 171–185.

24. Munich Security Report 2019. The great puzzle: Who will pick up the pieces? — Munich Security Conference, 2019.

25. Russia military power. Building a military to support great power aspirations. Washington, D.C.: Defense Intelligence Agency, 2017.

26. Russian strategic intentions. A strategic multilayer assessment (SMA) white paper. Department of Defense; Joint Chiefs of Staff, 2019.

27. Shlapak D., Johnson M. Reinforcing deterrence on NATO's Eastern flank. Wargaming the defense of the Baltics. RAND. 2016. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf (accessed: 30.05.2019).

V.I. Batyuk

THE EVOLUTION OF THE NATO-RUSSIA RELATIONS

*Institute for the US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnyy Pereulok, Moscow, 123995*

*Higher School of Economics
National Research University
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000*

Over the past 30 years, NATO-Russia relations have come a long way. The present paper provides a retrospective analysis of the NATO-Russia relations that may shed new light on their current state and prospects for development. The author shows that after the collapse of the bipolar world, and the Russian Federation's emergence on the international scene as a sovereign state, Moscow did not exclude the possibility of establishing partnership and even allied relations with the North Atlantic Alliance. In fact, during the 1990s–2000s, Russia and the Alliance cooperated successfully in such areas as the fight against piracy and international terrorism, rescue at sea, etc. However, hopes for a full-fledged partnership between Moscow and Brussels did not materialize as a result of the Alliance's advance to the East, to the Russian border. NATO's eastward enlargement — combined with the firm position of the official Washington and Brussels on the unacceptability of Russia's membership in the Alliance — meant a complete exclusion of Russia from the decision-making process on the European security. At the same time, for a variety of reasons, in the post-bipolar world the military-political dependence of the Western European subregion on Washington did not decrease, as many hoped, but, on the contrary, has increased, thus excluding for Moscow the very possibility to play on the contradictions between the United States and its European allies. Accession to the Alliance of the Eastern and Southern European 'recruits' (many of which shared strong anti-Russian sentiments) further limited the Russia's possibilities for such maneuvering. The Alliance thus became an instrument of the US global domination — a domination which Moscow rejects categorically. The author concludes that in these circumstances, it will not be easy to overcome the military-political contradictions between Russia and NATO.

Keywords: the Russian Federation, the North Atlantic Alliance, NATO, partnership, counter-terrorism, NATO enlargement, military-political confrontation, ideological struggle.

About the author: *Vladimir I. Batyuk* — Doctor of Sciences (History), Head of the Center for Military and Political Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Professor at the Higher School of Economics (e-mail: ctas@inbox.ru).

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2006. Rasshirenie NATO i natsional'nye interesy Rossii: doklad na konferentsii ROPTS — Fonda R. Lyuksemburg [NATO's enlargement and the Russian national interests: A report on the joint conference of the Russian Social and Business Promotion Center and the Luxemburg Foundation]. *Politiya*, no. 2, pp. 94–103. (In Russ.)
2. Baranovskii V.G. 2019. Novyi miroporiyadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiya? [New international order: Overcoming or transforming the existing pattern?]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 5, pp. 7–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23. (In Russ.)
3. Batyuk V.I. 2018. Evropeiskoe komandovanie vooruzhennykh sil SShA posle sammitov NATO v Uel'se (2014 g.) i v Varshave (2016 g.) [U.S. European Command after the NATO summits in Wales (2014) and Warsaw (2016)]. *USA & Canada: Economics, politics, culture*, no. 5 (581), pp. 20–34. DOI: 10.7868/S0321206818050027. (In Russ.)
4. Batyuk V.I., Mazing V.A. 2001. Evropa v voennoi politike administratsii Busha [Europe in the Bush administration's military policy]. *USA & Canada: Economics, politics, culture*, no. 10, pp. 38–51. (In Russ.)
5. Braterskii A.V. 2019. Rol' 'mozgovykh tsentrov' v vyrabotke politiki po rasshireniyu NATO [The role of American think tanks in the NATO enlargement policy formulation process]. *USA & Canada: Economics, politics, bezopasnosti culture*, no. 5 (593), pp. 39–54. DOI: 10.31857/S032120680004910-5. (In Russ.)
6. Glinskii-Vasilyev D.Yu. 2000. Rasshirenie NATO na Vostok kak problema rossiiskoi i evropeiskoi bezopasnosti [NATO eastward enlargement as a Russian and European security problem]. In Trenin D.V. (ed.). *Rossiya i osnovnye instituty bezopasnosti v Evrope: vstupaya v XXI vek* [Russia and European security institutions: Entering the 21st century]. Moscow, S@P Publ., pp. 126–127. (In Russ.)
7. Davydov Yu.P. 2004. Rossiya i NATO: stykovka interesov [Russia and NATO: Joining interests]. In Kremenyuk V.A., Podlesnyi P.T. (eds.). *Budushchee otnoshenii Rossii i NATO* [The future of NATO-Russia relations]. Moscow, Institute of USA and Canada RAN Publ., pp. 33–55. (In Russ.)
8. Dynkin A., Ivanov I. (eds.). 2011. *Evroatlanticheskoe prostranstvo bezopasnosti* [Euro-Atlantic security space]. Moscow. (In Russ.)
9. *Ezhegodnik SIPRI 2012: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2012: Armaments, disarmament and international security]. 2013. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
10. *Ezhegodnik SIPRI 2017: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI yearbook 2017: Armaments, disarmament and international security]. 2018. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
11. Zhurkin V.V., Kokoshin A.A., Nosov M.G. et al. 2002. Mezhdru proshlym i budushchim: Rossiya v transatlanticheskome kontekste [Between the past and the future: Russia within a trans-Atlantic context]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 5–21. (In Russ.)

12. Zagorskii A. 2017. *Rossiya v sisteme evropeiskoi bezopasnosti* [Russia in the European security order]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
13. Parkhalina T.G. 2001. *Rossiya — Zapadnaya Evropa: problem i perspektivy otnosheni* [Russia — Western Europe: Problems and prospects of interrelationships]. *Rossiya i Evropa: otnosheniya na rubezhe vekov* [Russia and Europe: Relations at the turn of centuries]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 9–18. (In Russ.)
14. Trenin D.V. 2013. *Mir bezuslovnyi: Evro-Atlantika XXI veka kak soobshchestvo bezopasnosti* [Unconditional peace: The 21st century Euro-Atlantic as a security community]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
15. Troitskii M.A. 2004. *Transatlanticheskii soyuz: 1991–2004. Modernizatsiya sistemy amerikano-evropeiskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [The Transatlantic union: 1991–2004. Transformation of the US-European partnership in the post-bipolar world]. Moscow. (In Russ.)
16. Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y. 2018. *Assessing the conventional force imbalance in Europe: Implications for countering Russian local superiority*. RAND Corporation Research Report.
17. Caldwell W., Leonard S. 2008. Field Manual 3-07, Stability Operations: Upshifting the engine of change. *Military Review*, pp. 6–14.
18. Crane K., Olikier O., Nichiporuk B. 2019. *Trend in Russia's armed forces: An overview of budgets and capabilities*. RAND Corporation.
19. Daadler I., Goldgeier J. 2006. Global NATO. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 5. Available at: <https://web.archive.org/web/20080512004134/http://www.foreignaffairs.org/20060901faessay85509/ivo-daadler-james-goldgeier/global-nato.html> (accessed: 12.09.2019).
20. Gentile G. 2009. Let's build an Army to win all wars. *Joint Force Quarterly*, iss. 52, p. 27–33.
21. Gordon Ph. 2002. NATO after 11 September. *Survival*, vol. 43, no. 4, pp. 89–106.
22. Hooker R. 2019. *How to defend the Baltic States*. Washington, D.C., Jamestown Foundation.
23. Larrabee S. 2006. The United States and the European Security and Defense Policy. Old fears and new approaches. *RAND Strategic Yearbook*, pp. 171–185.
24. *Munich Security Report 2019. The great puzzle: Who will pick up the pieces?* 2019. Munich Security Conference.
25. *Russia military power. Building a military to support great power aspirations*. 2017. Washington, D.C., Defense Intelligence Agency.
26. *Russian strategic intentions. A strategic multilayer assessment (SMA) white paper*. 2019. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff.
27. Shlapak D., Johnson M. 2016. *Reinforcing deterrence on NATO's Eastern flank. Wargaming the defense of the Baltics*. RAND. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf (accessed: 30.05.2019).